

Линкольн Чайлд
посвящает эту книгу своим родителям, Биллу и Нэнси

Дуглас Престон
посвящает эту книгу Стиву Элкинсу

Уорд Персалл шел вдоль узкого берега по восхитительно прохладной полосе, на сверкающий песок которой накатывали и тут же отступали волны. Ему было всего семнадцать, и он остро осознавал, что мал ростом и худ для своих лет. День стоял безоблачный, прибой нес буруны из Мексиканского залива. Уорду нравилось, что его вьетнамки погружаются во влажную поверхность и он с каждым шагом отшвыривает пальцами ног небольшую порцию песка.

— Эй, Уорд! — окликнул его отец.

Юноша повернулся к нему: отец сидел в шезлонге в десяти футах от воды, в бейсболке «Нэшнлс» на голове и с пляжным полотенцем на ногах. Толстый зеленый блокнот фирмы «Бурум энд Риз», его всегдашний спутник, лежал открытым у него на коленях.

— Приглядывай за сестренкой, хорошо?

— Конечно.

Будто Уорд и так не делал это уже почти неделю. К тому же Аманда никуда не собиралась уходить. И уж точно не в океан. Она искала ракушки чуть дальше по берегу, то и дело наклоняясь и принимая позу, которая, как узнал Уорд, получила название по имени острова — «санибельская сутулость».

Юноша задержал взгляд на отце: тот целиком погрузился в свой блокнот, писал уравнения, или заметки, или еще что-то — Уорд не знал что, потому что отец никогда не показывал. Он работал частным подрядчиком Министерства обороны в Ньюпорт-Ньюс и не упускал случая объяснить семье за ужином, что не имеет права рассказывать, как прошел его рабочий день и чем он занимался — чем-то совершенно секретным, — и это только увеличивало пропасть между ними. Забавно, что Уорд начинал замечать такие мелочи, которые всегда были у него перед глазами, но в которых он прежде не отдавал себе отчета: например, почему его отец всегда носит бейсболку (чтобы скрыть свою плешь) или почему закрывает ноги пляжным полотенцем (чтобы избежать рака кожи — семейной болезни). Наверное, мать тоже обращала внимание на все эти вещи и на многое другое, и они определенно стали одной из причин их развода три года назад.

Сестра подбежала к нему с ведерком в одной руке и пластмассовой лопаткой в другой.

— Гляди, Уорд! — возбужденно сказала она, швырнув лопатку на песок, и вытащила из ведерка какой-то предмет. — Брюхоногий моллюск!

Он взял этот «предмет» из ее руки и внимательно рассмотрел. Слева от него с каждой волной нарастала сила прибой.

— Здорово.

Аманда забрала у него раковину и опустила в ведро:

— Я сначала решила, что это кантарус, только со сглаженными пупырышками. Но у кантаруса форма другая.

Не дожидаясь его ответа, она вернулась к поиску ракушек.

Уорд несколько секунд наблюдал за ней. Это было приятнее, чем наблюдать за отцом. Потом он быстро огляделся, чтобы убедиться, что, пока он разговаривал с сестрой, на берег не вынесло никаких новых сокровищ. Но этот участок берега острова Каптива¹ был тихим, и конкуренция была минимальной: в поле зрения находилось не более дюжины человек, бредущих по кромке воды в той же забавной полусогнутой позе, что и сам Уорд и его сестра.

Когда пять дней назад они прибыли на остров Санибел, Уорд испытал сильное разочарование. Прежде он проводил каникулы в Вирджиния-Бич и Китти-Хок. Санибел показался ему местом на краю земли: никаких пляжных променадов, всего несколько магазинов и других достижений цивилизации, а хуже всего — ужасный Интернет. Но шли дни, и Уорд привык к тишине. На прошлой неделе он загрузил достаточно фильмов и книг, и ему не требовался онлайн-доступ для создания новых сборок сайд-скроллера², который он разрабатывал для своего класса в прикладном Python. У его отца после развода было не так уж много возможностей взять детей на каникулы — с учетом выплаты алиментов и всего остального свободных денег у него почти не оставалось, — и, когда приятель по работе предложил отцу провести неделю в маленьком прибрежном доме на Галф-драйв на Санибеле, тот принял предложе-

¹ Остров Каптива примыкает к более крупному острову Санибел, и оба входят в группу барьерных островов у побережья Флориды.

² *Сайд-скроллер* — компьютерная игра, в которой игрок наблюдает за игровым процессом посредством расположенной сбоку виртуальной камеры.

ние. Уорд знал, что у отца финансовые затруднения, а потому старался не жаловаться на обстоятельства: дешевые билеты на самолет, не лучшие рестораны и все прочее.

Ракушки стали настоящим спасением.

Острова Санибел и Каптива близ юго-западного побережья Флориды были известны как лучшие в мире места для собирания ракушек. Острова вдавались в Мексиканский залив, словно сеть, улавливающая всевозможных моллюсков, живых и мертвых, и разбрасывающая их по песку. Недолгий ночной шторм перед прибытием семейства Персалл обернулся для них удачей: судя по всему, шторма всегда приносили много ракушек. В первый же день на берегу обнаружили почти невообразимые сокровища из необычных и красивых образцов — не какие-то там клешни краба, обломки раковин морского гребешка и другая ерунда, часто встречающаяся на внешних отмелях, — и лихорадка ракушкоискательства поразила их обоих, а особенно Аманду. Девочка успела стать своего рода экспертом, способным отличать каури от морских улиток, а тех — от литорин. Увлеченность Уорда остыла через несколько дней, его глаз стал более разборчивым. Теперь он подбирал только по-настоящему хорошие образцы. Отец ограничил их одним пакетом ракушек на обратный полет, и Уорд знал, что завтрашняя отбраковка превратится в ад из-за протестов Аманды.

Начинался прилив, ветер усилился, и прибой бился о берег с чуть большей силой. Нахлынувшая волна выбросила прямо под ноги Уорду спиралевидную розовую раковину. Когда он подобрал ее, другой охотник за ракушками подскочил к нему сзади — яркие цвета на мел-

ководье притягивали их, как мух, — и, тяжело дыша, заглянул через плечо.

— Розовый лепесток? — возбужденно спросил человек.

Уорд повернулся и взглянул на него: лет пятидесяти, довольно полный, в козырьке от солнца из магазина для серфингистов и в дешевых солнцезащитных очках, с руками, обожженными солнцем ниже локтя. Явно турист, как и все эти люди вокруг. Местные знали, когда наступает лучшее время для посещения берега, и Уорд редко их видел.

— Нет, — ответил юноша. — Обычный конус. Брюхоногий.

Его сестра, инстинктивно настроенная на вероятную Большую Находку, поспешила к нему, и он отдал ей свою добычу. Она быстро осмотрела раковину, хотела было выкинуть в воду, но передумала и опустила в ведро.

Человек в солнцезащитном козырьке отступил, и Уорд пошел дальше по следам Аманды, слушая, как хрустят под его подошвами кости древних морских существ. Мысль о том, что нужно собирать вещи, напомнила ему, что послезавтра они будут дома, а значит, он вернется к своей обычной жизни: окончание школы, неизбежная скукота всевозможных тестов и эссе, подача документов в колледж. С недавних пор его стали беспокоить мысли о том, что он придет к тому же, к чему пришел его отец: работал как вол, но почему-то так и не вырвался вперед, а теперь его обогнали более молодые, с более престижными степенями и более востребованными навыками. Уорд не думал, что сможет вынести такое.

Еще одна волна накрыла его ноги, и он автоматически скорректировал курс, отступив вглубь острова. Новые ракушки покатались назад вместе с волной: винтовая, еще одна винтовая и еще. Он уже набрал до черта винтовых — на всю жизнь хватит.

Накатила очередная волна, более сильная, и Уорд взглянул на море. Волнение явно усилилось. Возможно, это и к лучшему: завтра их последний день здесь и, может быть, случится еще один шторм, который принесет им такую же удачу, как в первый раз...

И в этот момент глаза Уорда выхватили впереди что-то зеленое. Оно было оттенком чуть светлее, чем бирюзовая вода, и перекатывалось через себя, замедляясь вместе с волной. И выделялось размером большим, чем все остальные находки. Стромбус? Нет, у того цвет другой. И это не трубач.

Через миг равнодушие пресыщенности уступило место страсти собирателя, жадного до раритетов. Юноша украдкой оглядел берег. Ни его сестра, ни человек с козырьком ничего не заметили. Он небрежно прибавил шагу. Эта штука вернется со следующей волной или, может быть, через одну.

Потом он снова увидел этот предмет, наполовину погруженный в воду футах в шести от берега. И теперь понял, что это вовсе не раковина, а кроссовка. Новенькая светло-зеленая кроссовка. Не очень похожая на кроссовки, которые он видел прежде.

Хотя Уорд и не мог позволить себе такие, но от приятелей по школе он знал, что некоторые кроссовки являются суперколлекционными. «Баленсиага Трайпл С.» или «Йизи» нередко можно было загнать за три или четыре сотни долларов, если тебе удавалось найти их на распродаже. А уж если повезло раздобыть редкую пару

вроде «Эйр Джордан 11 Блэкаут», то ты легко мог продать ее на eBay за четырехзначную сумму.

Лучший образец из всего найденного Амандой за эту неделю стоил не больше десяти баксов.

Одна кроссовка, всего лишь одна, и к тому же одноцветно-зеленая. Что это за бренд такой? Кроссовку снова понесло к берегу, и через мгновение все станет ясно.

Прибой окатил щиколотки Уорда, издавая приглушенное шипение. Юноша ловко выхватил кроссовку из воды. Черт, она оказалась тяжелой — наверняка напиталась влагой. Но при этом прекрасно сохранилась. Уорд машинально перевернул ее, чтобы проверить подошву, но на вулканизированной поверхности не обнаружилось ни логотипа, ни названия бренда.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что Аманда и жирный мужик в козырьке снова приближаются к нему. Не обращая на них внимания, он смотрел на подошву. Возможно, это изделие-прототип. Они, вероятно, тестировали их здесь, на берегу. За прототип люди могут заплатить еще больше. Уорд инстинктивно окинул взглядом линию прибоя. Если вторая кроссовка плавает поблизости, то такая находка может превратить средненькие каникулы в нечто особенное, даже...

Его сестра вдруг вскрикнула. Уорд посмотрел на нее, нахмурившись. Аманда вскрикнула снова, еще громче. По какой-то причине ее взгляд был прикован к кроссовке в его руке. Озадаченный, он опустил глаза и повернул запястье, чтобы разглядеть получше.

Теперь он видел внутренность кроссовки. Она была заполнена какой-то розово-красной массой с осколком чистой белизны, торчащим из середины. Уорд замер, его ум никак не мог воспринять то, на что он смотрит.

Его отец вскочил на ноги и побежал к ним. Словно издалека, Уорд слышал, как матерится человек в козырьке и как Аманда визжит и пятится, а потом ее рвет на песок. Внезапно выйдя из ступора, Уорд судорожно отбросил кроссовку и шагнул назад, теряя равновесие и падая на колени. Но даже при этом его взгляд инстинктивно обратился к морю, где, перекатываясь среди пенных барашков, десятки и десятки таких же кроссовок лениво покачивались и неотвратно приближались к берегу.

2

П. Б. Перельман остановил свой «форд-эксплорер» на парковочной площадке Тёрнер-бич. Чтобы добраться сюда после первого сигнала Службы спасения, ему понадобилось всего пять минут — его дом на Коконат-драйв находился меньше чем в миле от Тёрнер-бич, — но он почувствовал облегчение, обнаружив, что двое его патрульных, Робинсон и Лару, уже здесь. Робинсон зачищал берег, просил людей вернуться в свои машины, чтобы можно было огородить место преступления полицейской лентой. Лару разговаривал с небольшой группкой людей приблизительно в четверти мили дальше по берегу. Перельман увидел, как полицейский посмотрел в сторону моря, потом повернулся и побежал в прибой, вытащил что-то из воды и аккуратно поставил на песок в месте, недостижимом для волн.

Как любила говорить Дороти Паркер, что это за свежий ад? В сообщении, полученном Перельманом, шла речь только о «нарушениях на берегу». Но он из личного опыта знал: даже в таком сонном местечке, как Санибел и Каптивва, эти три слова могут значить что угодно — от гуляк, прибывших на выходные и пытающихся причалить свои скоростные катера в темноте, до церемоний равноденствия, организованных нудистской колонией Норт-Нэплз.

Перельман направился к берегу через тонкую линию дюнной травы и морского овса. Он прошел мимо Робинсона, который торопливо выпроваживал с берега к парковке два ошеломленных семейства с их одеялами, шезлонгами, кулерами, досками для буги-серфинга и прочим барахлом.

— Лучше вызывайте силы быстрого реагирования, шеф, — прошептал Робинсон, поравнявшись с Перельманом.

— Все?

В ответ Робинсон только кивнул в сторону Лару.

Перельман пошел дальше по берегу, прибавив шагу. Лару, который вернулся было к небольшой группке людей, снова бросился выуживать что-то из воды. Подойдя ближе, Перельман понял, что это что-то вроде кроссовки, сделанной из светло-зеленого материала.

Заметив шефа, Лару остановился. Когда Перельман подошел еще ближе, он увидел, что из кроссовки торчит нога. Обрубок ноги, судя по всему.

Лару молча показал ему на обрубок и поставил на ходку на песок со словами:

— Привет, шеф.

Перельман не ответил — он глядел вниз. Потом повернулся к своему заместителю.

— Генри, — сказал он, — ты не хочешь ввести меня в курс дела?

Полицейский посмотрел на него с непонятным выражением:

— Мы с Рисом в патрульной машине направлялись на Сильвер-Ки. Не успели мы доехать до Блайнд-пасса, как я увидел какое-то странное движение здесь, на общественном пляже. Я сообщил об этом, и мы подъехали к...

— Я говорю вот о чем. — Перельман показал на кроссовку.

Лару проследил за его взглядом. Потом беспомощно пожал плечами и махнул рукой куда-то назад.

Начальник полиции посмотрел туда. И увидел на высоте, недоступной прибою, выстроившийся в ряд строй кроссовок. Изю всех торчали обрубки ног. Затем он посмотрел в сторону моря и заметил еще несколько таких же предметов, подпрыгивающих на волнах. Над ними начали с громкими криками кружить чайки.

Теперь Перельман понял, почему его подчиненные так заняты и так ошеломлены и почему, подъехав сюда на своей машине пять минут назад, они сделали обычный вызов без всяких уточнений. Он тоже почувствовал это: неожиданный кошмар, настолько странный и непонятный, что невозможно поверить в него. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, потом еще один. Затем показал на небольшую группку у дюн:

— Это люди, которые нашли, э-э, первую ногу?

Лару кивнул.

Начальник полиции снова огляделся. У Лару было чутье: пока их ресурсы невелики, лучшее, что они могут сделать, — это вылавливать обрубки из залива и оставлять их повыше, приблизительно против тех мест, где их вынесло на берег.

— Они что-нибудь знают?

— Они мало что могут сказать помимо того, что видим мы сами.

Перельман кивнул:

— Ладно. Хорошая работа. — Он посмотрел в сторону прибою. — Продолжай. Нужно собрать все до единого. И помни: мы имеем дело с человеческими останками.

Лару направился к воде, а начальник полиции вытащил рацию:

— Диспетчер, говорит Перельман.

— Диспетчер. Слушаю, Пи-би.

Значит, это Присцилла дежурит сегодня утром. Он узнал ее пронзительный голос. Ни у кого другого не хватало духу называть его Пи-би. Она не только называла его по инициалам, но и (поскольку он никому не говорил, что стоит за этими инициалами) с удовольствием предавалась предположениям, когда он мог ее слышать. Возможно, она верила, что он, будучи ничуть не похожим на других начальников полиции, выдал ей разрешение быть умной язвой. Как бы там ни было, в его присутствии она перебрала несколько десятков вариантов, включая Привет Балеринам, Постный Бисквит и Пенис Бойкий, но к истине так и не приблизилась.

Перельман откашлялся:

— Присцилла, я объявляю красный уровень тревоги. Поднять всех со значками и оружием.

— Сэр. — Голос Присциллы заметно изменился.

— Я хочу, чтобы оба дежурных лейтенанта и все сержанты перешли в режим высшей степени готовности на тот случай, если нам придется срочно ввести комендантский час. Они знают регламент. Скажи им, пусть действуют без шума, мы не хотим, чтобы туристы впали в панику. Мы немедленно закрываем весь берег Каптивы и западную береговую линию. Пусть начнут подготовку к возможной эвакуации острова Каптива. И предупреди мэра, если она еще не знает.

— Сэр.

Перельман говорил быстро. Его речь словно ускорилась с каждой секундой. Тем временем Лару выудил

еще четыре или пять кроссовок. По грубой оценке, их было уже двадцать пять, а к берегу плыли новые и новые. Полицейский начал отгонять чаек, которые пытались ухватить обрубки. Робинсон выпроводил последних охотников за ракушками и загорающих и теперь натягивал ленту в тех местах, где можно было пройти на берег.

— Мне нужен первый пропускной пункт на материковой стороне Санибельского моста и второй — с моста Блайнд-пасс. Второй — чтобы пропускать только постоянных жителей и арендаторов Каптиввы. Известить офис коронера по району Двадцать один, пусть приезжают сюда, на Тёрнер-бич, для работы с большим количеством человеческих останков.

— Сэр, — в третий раз сказала Присцилла.

— Свяжись с командованием береговой охраны в Форт-Майерсе. Скажи им, пусть срочно вышлют катер. Мне кажется, их катер «Помпано» временно причален на Стейшн-Кортес. Пусть командование немедленно свяжется со мной. Наложить временное ограничение на полеты над Каптиввой — исключение только для нужд чрезвычайной операции. И никаких вертолетов прессы. Все ясно?

Короткая пауза, в течение которой Перельман слышал царапанье ручки по бумаге.

— Принято.

— Хорошо. Дальше. Когда острова будут заблокированы и пропускные пункты установлены, весь свободный персонал ко мне сюда, к Блайнд-пасс. Перельман закончил.

Он отключил рацию и посмотрел в сторону Лару. Тот двигался быстро, как мог, вылавливая обувь из воды, но чаек собиралось все больше, они кричали и кружили, имея численное превосходство над Лару. Перельман от-

страненно чувствовал, какая невероятно странная складывается ситуация, но вопреки этому его внимание сосредоточилось на том, чтобы держать ее под контролем. Двадцать пять кроссовок, двадцать пять обрубков ног, выброшенных на берег, и, судя по всему, прилив должен был принести еще. Легче было бы свалить их все вместе, но Перельман знал, что каждая мелкая деталь будет иметь значение и все кроссовки должны оставаться как можно ближе к тому месту, куда их вынесло.

Он достал из кармана служебную камеру и сделал ряд фотографий и коротких видеозаписей с места преступления, включая общий вид берега. Потом посмотрел на свидетелей, которые теперь находились за лентой, — небольшая группа людей, похожих на призраков. Ему очень хотелось допросить их — хотя он и сомневался, что они могут сказать что-то полезное, — но в настоящий момент его задача состояла в том, чтобы стабилизировать и защитить место преступления до прибытия подкрепления.

Стая чаек все увеличивалась, воздух наполнился их громкими криками. Перельман увидел, как одна чайка села рядом с кроссовкой.

- Генри! Стреляй в чаек!
- Что?
- Стреляй в чаек.
- Их слишком много, я не могу прицельно...
- Стреляй в их направлении! Отпугни их!

Лару расстегнул кобуру, вытащил свой «глок» и выстрелил в сторону моря. Огромное облако кричащих чаек поднялось в небо, включая и ту, которая чуть было не схватила кроссовку. Перельман посмотрел вдоль берега, и ему стало нехорошо оттого, что он увидел вдали: на волнах переваливались все новые кроссовки. Веро-

ятно, придется обнести весь западный берег полицейской лентой и закрыть туда доступ как к месту преступления.

И теперь он заметил, что за гребнем дюны, на некотором расстоянии друг от друга, начали появляться фигуры. Они не пытались приблизиться, просто стояли не двигаясь, как часовые. Новые зеваки. Сердце у него упало. Это были не туристы; это были местные жители. Люди, чьи дома располагались на Каптива-драйв, чей берег был осквернен этим неожиданным и страшным приливом. Оглядывая их одного за другим, начальник полиции понял, что не меньше половины из них он знает по именам.

«Да, смерть склюет нас всех... Вот горы — мертвый камень...»¹

Вдруг возник переполох: крики, ругань, затем яростный лай. Перельман оглянулся, временно выбитый из колеи неуправляемым событием, и увидел медного цвета пятно — собаку с кроссовкой в пасти, ирландского сеттера по кличке Слиго, который пробежал мимо него на северо-восток, к заповеднику.

«Ну что за сукин сын!»

— Слиго! — прокричал он. — Слиго, назад!

Но собака неслась прочь от них. Убегала, держа в пасти вещественное доказательство. Если Слиго доберется до заповедника, они, вероятно, никогда больше не увидят эту улику.

— Слиго!

Бесполезно: собака возбудилась, видя активность на берегу, и у нее обострился охотничий инстинкт, она больше не слушалась приказаний.

¹ Строки из стихотворения американского поэта Робинсона Джефферса «Мудрецы в часы несчастья». Перевод Ю. Головневой.

— Слиго!

«Сохраняй цепочку улик», — прокричала ему в уши его профессиональная подготовка. «В любой ситуации относись уважительно к человеческим останкам». Конечная ответственность лежала на нем как на начальнике полиции.

Перельман достал служебный пистолет.

— Что вы делаете? — раздался крик из рядов наблюдателей.

— Нет! Не надо! — завопил кто-то.

Перельман прицелился, сделал долгий дрожащий вдох, задержал его и, когда собака уже готова была исчезнуть в кустах, нажал на спусковой крючок.

Собака, не произведя ни звука, перевернулась и приземлилась на спину, кроссовка выпала у нее из пасти. Прошло страшное мгновение, и по рядам наблюдателей наверху дюны прокатилось что-то похожее на стон.

— О господи, — сказал кто-то прерывающимся голосом. — Он застрелил собаку!

Перельман убрал пистолет в кобуру. «Проклятье!»

У него за спиной прозвучало еще несколько выстрелов: Лару отгонял чаек, успевая при этом подбирать новые кроссовки. К нему на помощь рысцей спешил Робинсон. Перельман услышал шум вертолета и треск двигателя катера, приближающегося по воде.

— Эй, вы, мистер! — раздался громкий негодующий голос.

Перельман повернулся к наблюдателям.

— Вы застрелили собаку! — Женщина лет пятидесяти обвиняющим жестом указывала на него пальцем.

Он не узнал ее — возможно, это была приезжая.

Начальник полиции ничего ей не ответил.

Женщина шагнула вперед, подошла вплотную к ленте:

— Как вы могли? Как вы могли это сделать?

— Я не мог позволить ему убежать с уликой.

— С уликой? С *уликой*? — Женщина показала рукой в сторону берега. — Разве вам еще не достаточно улики?

Неожиданно что-то — то ли презрительный жест, с каким женщина показывала на комки плоти, лежащие тут и там на песке, то ли абсурдность ее замечания — заставило Перельмана горько рассмеяться.

— А теперь вы считаете, что это смешно! — воскликнула женщина. — Что скажет хозяин собаки?

— Это ничуть не смешно, — ответил Перельман. — Вчера у этого пса был день рождения.

— Вы знали эту собаку! — Женщина в ярости топнула ногой. — Вы знали собаку... и все равно пристрелили ее!

— Конечно, я ее знал, — ответил начальник полиции. — Это была моя собака.

Престон Д., Чайлд Л.

П 73 Злая река : роман / Дуглас Престон, Линкольн Чайлд ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-21288-6

На одном из курортных островков у побережья Флориды по пляжу бродят туристы в поисках красивых раковин. Но на этот раз море выносит на берег нечто ужасное: более сотни обрубков человеческих ног в одинаковых ботинках. К расследованию спешно подключают специального агента ФБР Алоизия Пендергаста, и перед ним вырастает самая сложная и необъяснимая проблема в его карьере. Кто мог совершить такое жуткое и масштабное преступление? Где это произошло? Заключение патологоанатома только добавляет вопросов. Вскоре Пендергаст понимает, что кто-то из оперативной группы сливает информацию. Какие-то могущественные силы противодействуют ему, не давая добраться до истины...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДУГЛАС ПРЕСТОН, ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД
ЗЛАЯ РЕКА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Антон Залозный, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.04.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22,56.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-30222-01-R